

К. А. ЛЕВКОВСКАЯ

О ПРИНЦИПАХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

(На материале немецкого языка)

1

По сравнению с грамматикой и фонетикой лексикология — более молодая, а следовательно, и менее разработанная отрасль языкознания. Этим и объясняется то положение, что ряд вопросов, непосредственно связанных с природой слова как основной единицы языка, до сих пор еще продолжает оставаться невыясненным. Незавершенность общих проблем мешает исследованию особенностей словарного состава отдельных языков; с другой стороны, недостаточная изученность закономерностей лексической системы языков различного строя не позволяет сделать выводы, необходимые для выяснения общих вопросов. Все это, естественно, отражается и на соответствующей лингвистической терминологии: едва ли в какой-либо другой области можно встретить такое расплывчатое употребление научных терминов, как в области лексикологии.

Различные лингвисты неодинаково подходят к решению проблемы слова. Ввиду сложности и недостаточной разработанности этого вопроса некоторые ученые даже высказывают сомнение относительно возможности считать слово реально существующей единицей языка¹.

Наряду с лингвистическими направлениями, для которых центральным понятием является слово, существуют и такие, которые исходят в своих научных концепциях не из слова, а из морфемы. Например, основоположник американской дескриптивной лингвистики Л. Блумфилд рассматривает как морфемы не только части слов, но и слова с производными основами, или, точнее, те (омонимичные основам) конкретные словоформы, которые выступают в качестве компонентов словосочетаний и предложений². Так, предложение *Poor John ran away* «Бедный Джон убежал прочь» рассматривается как состоящее из пяти «морфем», куда причисляются не только две части наречия *away* «прочь» (*a-* и *-way*), но также и словоформы *poor* «бедный», *John* «Джон», *ran* «(у)-бежал». Для слов с производными основами параллельно с термином «морфема» (*morpheme*) используется термин «слово-морфема» (*morpheme-word*).

Различие между словообразующими (точнее о с н о в о о б р а з у ю щ и м и) и формообразующими аффиксами для данной системы не имеет существенного значения; и те и другие аффиксы (так же, как и так называемые с в я з а н н ы е о с н о в ы) трактуются как морфемы, являющиеся «связанными формами» в противоположность корневым словам и основам

¹ См.: F. de Saussure, Cours de linguistique générale, seconde éd., Paris, 1922, стр. 147—149 (ср., однако, высказывание де Соссюра на стр. 154); Ch. Vallu, Linguistique générale et linguistique française, 2-me éd., Berne, 1944, стр. 288.

² См., в частности, L. Bloomfield, Language, New York, 1933, стр. 161—163.

этих слов, которые характеризуются как морфемы, представляющие собой «свободные формы»¹.

Аналогичным образом проводится анализ языковых единиц также и другими представителями дескриптивной лингвистики. Так, например, в известной работе Б. Блоха и Дж. Л. Трейджера производные слова и грамматические формы непроданных слов в равной мере разбираются как слова (*complex words*)². Подобная точка зрения представлена и в работах Ю. А. Найда; ср., в частности, его разбор прилагательного *girlish* «девический», с одной стороны, и формы множественного числа *boys* «мальчики», с другой³.

Для представителей дескриптивной лингвистики характерно, что предложения, словосочетания и сложные и производные слова разбираются в одном плане как конструкции, разложимые на «непосредственно составляющие», которые в свою очередь расчленяются на их составные части, в конечном счете на неразложимые более элементы — морфемы. Качественная сторона языковых образований при этом обходится, так как исходным моментом анализа являются не материальные особенности элементов языка, но лишь их функции. Вопрос о значении языковых единиц, тесно связанный с их структурной характеристикой, лингвистами этой школы вообще исключается из круга научных лингвистических проблем⁴.

Исходные положения дескриптивной лингвистики в подходе к структуре языка можно рассматривать как определенную реакцию против имеющей чрезвычайно широкое распространение переоценки логико-семантической стороны в языке — переоценки, которую мы находим у разных ученых, в том числе и у лингвистов, признающих слово объективной языковой реальностью. Этот последний факт свидетельствует о том, что признание слова основной единицей языка еще не является залогом правильного понимания специфики слова.

Семантико-функциональный подход к единицам языка (диаметрально противоположный структурно-функциональному подходу Блумфилда и его последователей) характерен, в частности, для младограмматиков и их последователей. Этот подход (в сочетании с гиперисторизмом, выражающимся в подмене синхронии диахронией при анализе языковых явлений⁵) привел представителей младограмматического направления к рассмотрению распространенных в немецком и других германских языках глагольных фразеологических единиц с наречными частицами как особого рода разъединимых сложных слов

¹ Ср. трактовку Блумфилдом производного прилагательного *boyish* и формы множественного числа *door-knobs* (там же, стр. 209—210).

² См. В. Bloch and G. L. Trager, *Outline of linguistic analysis*, Baltimore, Md., 1942, стр. 54.

³ См. E. A. Nida, *Morphology: The descriptive analysis of words*, «University of Michigan publications. Linguistics», vol. 11, 1946, стр. 1. (Найда пользуется для обозначения подобных образований термином *constructed words*.)

⁴ Подробнее о подходе к слову у представителей дескриптивной лингвистики см.: О. С. А х м а н о в а, О методе лингвистического исследования у американских структураллистов, ВЛ, 1952, № 5, стр. 94—95, 99—101; е е ж е, Основные направления лингвистического структурализма, М., 1955, стр. 5, 8—15; М. М. Г у х м а н, Против идеализма и реакции в современном американском языкознании (Л. Блумфилд и «дескриптивная» лингвистика), ИАН ОЛН, 1952, вып. 4, стр. 289—291; е е ж е, Лингвистический механицизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 148—156.

⁵ Противопоставление синхронии диахронии и отказ в синхроническом исследовании от всякого историзма у представителей дескриптивной лингвистики также можно рассматривать как реакцию против длительного господства гиперисторизма в языкознании.

(*unfeste Komposita, trennbare Zusammensetzungen*), являющихся разновидностью префиксальных глаголов, рассматриваемых как *н е р а з з е д и н и м ы е* сложные слова (*festе Komposita, untrennbare Zusammensetzungen*). Взгляд на глагольные единицы с наречными компонентами, как на слова, распространен и в настоящее время среди зарубежных и отечественных языковедов-германистов¹.

Семантико-функциональный подход к структурным компонентам языка можно обнаружить не только в ряде работ по германским языкам. На семантико-функциональных принципах построена, например, и концепция Ж. Вандриеса, который, как известно, помимо частей слов, считал морфемами также служебные слова, — такие, как артикли, предлоги, местоименные приглагольные частицы *je, tu, il*, чередования звуков и порядок расположения слов в предложении². У французских лингвистов семантико-функциональный подход к языку поддерживается постоянным сравнением аналитических конструкций их родного языка с синтетическими формами латинского.

Переоценка семантико-функциональной стороны в языке вызвала протест со стороны представителей самых различных школ в языковедении. Так, например, А. И. Смирницкий в своих университетских курсах и в печатных работах возражал против рассмотрения неопределенных слов (предлогов, местоименных частиц *je, tu, il* во французском языке, приглагольных наречий в германских языках и т. п.) как особого рода морфем, отмечая присущие этим языковым элементам признаки слова³. Против трактовки французских местоименных частиц *je, tu, il* как морфем решительно возражает также и В. Хейцен⁴, указывающий на неправомерность чисто функционального подхода к языку.

Факты самых разнообразных языков показывают, что ни структурно-функциональный, ни семантико-функциональный подход не могут дать правильного освещения специфики единицы языка, в частности специфики основной его единицы — слова.

2

Как известно, одни и те же понятия могут выражаться различными средствами: ср. *Eisengitter, eisernes Gitter* «железная решетка», *Gitter aus (von) Eisen* «решетка из железа». В соответствии с этим языковые образования, отличающиеся друг от друга по своей структуре, имеют и разное значение. Не считаться с этим обстоятельством — значило бы игнорировать языковые факты.

Для прилагательного в словосочетании (*eisernes Gitter*) в большей мере, чем для остальных способов выражения соответствующего понятия, характерна именно качественность⁵. В словосочетаниях с предлогом

¹ См., в частности, Ю. А. Жлуктенко, О так называемых «сложных глаголах» типа *stand up* в современном английском языке, ВЯ, 1954, № 5, стр. 109—110. Подробнее о глаголах с наречными частицами см. ниже, стр. 53 и сл.

² См. J. V e n d r i e s, Le langage. Introduction linguistique à l'histoire, Paris, 1921, стр. 85—93, 136—138.

³ См., в частности: А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 193—194; его же, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 21—22.

⁴ См. W. H e i z e n, Wortbedeutung und Wortnatur, «Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift Albert Debrunner», Bern, 1954, стр. 179—180.

⁵ Это отнюдь не означает, что прилагательными не могут быть выражены и разнообразные другие отношения. В разных языках имеется — наряду с качественными — и значительное число относительных прилагательных.

(*aus, von*) на определенное вещество указывается больше как на «источник происхождения» данного предмета. В сложном же слове обозначается лишь отношение предмета, названного второй основой, к веществу, на которое указывает первая основа. Делается это в самом общем плане, без какого бы то ни было уточнения характера этого отношения. Ясно лишь, что предмет (или явление), обозначенный вторым компонентом сложного слова, определяется через отношение к предмету (или явлению), названному первым компонентом. Как о р о д а это отношение — структурно никак не выражается.

Так, если цельнооформленное сложное существительное *Eisengitter* передается то же понятие, что и словосочетания *eisernes Gitter* или *Gitter aus Eisen*, то, например, *Eisenfarbe* «цвет железа» (*Farbe des Eisens*) передает понятие, которое посредством раздельнооформленных словосочетаний с прилагательным *eisern* «железный» или с предлогом *aus* (либо *von*) выражено быть не может. Это же действительно и для сложного существительного *Eisenwasser* «железистая (содержащая железо) вода», с той только разницей, что данное понятие не может быть выражено также и словосочетанием с родительным падежом и для его обозначения, наряду со сложным существительным *Eisenwasser*, используется словосочетание со сложнопроизводным прилагательным *eisenhaltig* «содержащий железо», «железистый» — *eisenhaltiges Wasser*.

При этом параллельное употребление данного словосочетания и сложного слова *Eisenwasser* значит лишь, что этими образованиями обозначается одно и то же сложное понятие, отражающее одно и то же явление действительности. Из этого употребления никак нельзя сделать вывода, что *Eisenwasser* имеет то же значение, как и *eisenhaltiges Wasser*. *Eisenwasser* — цельнооформленное сложное слово, состоящее из основ двух существительных, а *eisenhaltiges Wasser* — раздельнооформленное сочетание существительного с прилагательным; кроме того, один из компонентов этого словосочетания (прилагательное *eisenhaltig*) включает основу глагола *halten* «(со)держать», которая в состав сложного слова *Eisenwasser* не входит. Поэтому *Eisenwasser* можно перевести на русский язык как «железистая» или «содержащая железо вода», но перевод здесь не будет в строгом смысле значением слова *Eisenwasser*. Все эти факты недостаточно еще учитываются, чему способствует также и то, что немецкие сложные слова обычно переводятся на русский язык соответствующими словосочетаниями.

Исходя из такого русского перевода, М. Д. Степанова, например, считает значением слов *Gefangenensauto* и *Offiziersauto* значение русских словосочетаний соответственно «машина, в которой везли пленного» и «машина с офицерами»¹.

Между тем в структуре первого слова никакого указания на соответствующее действие («вести») и на то, что везли именно одного, а не нескольких пленных, нет. *Offiziersauto* также не имеет значения «машина с офицерами». Русским словосочетанием, каким-то (хотя и не совсем точным) образом передающим семантику этого немецкого слова, скорее является сочетание «офицерская машина», так как сложным словом *Offiziersauto* (как и русским словосочетанием с прилагательным) можно обозначить и пустую, но предназначенную для офицеров машину.

Значение языковых образований непосредственно связано с их структурой. На это указывали В. В. Виноградов², а затем А. И.

¹ См. М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 134—135.

² См. В. В. Виноградов, О формах слова, ИАН ОЛЯ, 1944, вып. 1, стр. 32.

Смирницкий, разработавший выдвинутые В. В. Виноградовым положения о различиях между сложным словом и словосочетанием. Речь идет в первую очередь о различиях материального звукового оформления (цельнооформленности первого и раздельнооформленности второго образования)¹ — различиях, действительных для целого ряда индоевропейских языков, в том числе и для русского и немецкого.

3

Для определения специфики слова как основной единицы языка имеет значение не только разграничение слова и словосочетания; не менее важным является разграничение составных частей слова (см. ниже): в первую очередь разграничение слова и основы слова, а также установление особенностей различных компонентов основы слова (производящих основ и словообразовательных формантов). Последнее поможет определить различия между словами с простыми, производными и сложными основами и тем самым будет способствовать выяснению особенностей слова, отличающих его от других языковых образований.

В отличие от совпадающих с основами по звучанию словоформ (в случаях, где такие словоформы имеются) и слов (в случаях с неизменяемыми словами) основы характеризуются отсутствием грамматической оформленности, свойственной слову². При этом словоформы, не имеющие положительных грамматических аффиксов и флексий, тем не менее являются грамматически оформленными, так как отсутствие грамматических формантов в подобных случаях выступает как определенная грамматическая характеристика, является значимым и может, следовательно, рассматриваться как наличие у соответствующих форм нулевого грамматического форманта. Ср. (*das*) *Haus* (им. и вин. падежи ед. числа «дом»). Иначе обстоит дело с грамматически неоформленными (подобно слову) основами; ср., например, основу *haus-* в словоформе (*des*) *Hauses* или в сложном слове *Hausarbeit* «домашняя работа», «работа на дому»; или основу *luft-* в производном прилагательном *luftig* «воздушный», или эту же основу в сложном существительном *Luftverkehr* «воздушное сообщение», где отсутствие всякого форманта не является выражением того или иного оформления, как у словоформ с нулевым аффиксом, так как это отсутствие ничему (в той же системе) не противопоставляется. Примерно то же может быть сказано и об основе неизменяемого слова (например, *fort-* в *Fortbewegung* «поступательное движение»). Ведь если неизменяемость, например, наречия выступает на фоне изменяемости других слов как определенная его оформленность, то отсутствие грамматического оформления у основы наречия (в составе сложного слова) таким признаком уже не является, так как мы находим это отсутствие и у основ других (изменяемых) частей речи³.

Что касается так называемых соединительных элементов в сложном слове, то они безусловно определенным образом оформляют первый (определятельный) компонент сложной основы, но оформляют его именно как основу (а не как слово), так как это оформление существенно отличается от грамматического оформления, характерного для отдельного слова. Наиболее очевидным данное положение является по отношению к соединительным элементам *-(e)s-* и *-(e)n-*.⁴ Прежде всего эти элементы не противопостав-

¹ См., в частности: А. И. Смирницкий, К вопросу о слове..., стр. 197 и сл.

² См. ниже.

³ См. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове..., стр. 191—192.

ляются каким-либо другим грамматическим формантам, характеризующим данную часть речи, как это имеет место в слове (ср., с одной стороны, *Meerestiefe* и, с другой, *des Meeres, dem Meer(e)*, и т. п.). Возможны также колебания в употреблении этих элементов (ср. *Meerestiefe, Augenblick*, с одной стороны, и *Meerwasser, Augapfel*, с другой).

Что основа *meer-es-* в *Meerestiefe* «морская глубина», «глубина моря» или основа *frieden-s-* в *Friedensbollwerk* «оплот мира» — это только омонимы словоформ (*des*) *Meeres* [и соответственно (*des*) *Friedens*] в *Tiefe des Meeres* или *des Meeres Tiefe* (и соответственно в *Bollwerk des Friedens* или *des Friedens Bollwerk*), видно не только из спаянности этой основы со второй основой и из отсутствия у обоих компонентов сложного слова самостоятельности и свободы перемещения в предложении¹, но это явствует также и из совершенно различной функции элемента *-(e)s-* в том и другом случае².

Соединительные элементы наличествуют в сложных словах также и в тех случаях, когда реальные словоформы с такими грамматическими формантами в языке вообще отсутствуют. Соединительный элемент *-(e)s-*, например, встречается у основ имен нарицательных женского рода, хотя родительный падеж с флексией *-(e)s-* является признаком существительных мужского и среднего (но не женского) рода. Ср. *Arbeitsergebnis* «продукт (результат) труда (работы)», *Bedeutungswandel* «изменение значения» и (*die*) *Arbeit* — род. падеж (*der*) *Arbeit*, (*die*) *Bedeutung* — род. падеж (*der*) *Bedeutung*. Этот же соединительный элемент выступает и в тех случаях, когда в соответствующем словосочетании форму единственного числа употребить невозможно; ср. *Freundeskreis* и *Kreis der Freunde* «круг друзей», *Begriffsverwirrung* и *Verwirrung der Begriffe* «смешение понятий», «путаница в понятиях». Употребляется данный элемент и тогда, когда соответствующее словосочетание с родительным падежом (единственного или множественного числа) вообще образовано быть не может; ср. *Handwerksmann* «ремесленник», *Jägersmann* «охотник» и т. п.³

Соединительный элемент *-(e)n-* также не выполняет тех функций, которые характерны для флексии родительного падежа единственного числа и флексии других косвенных падежей слабого склонения. Он встречается у слов, принадлежащих в современном языке к иным типам склонения; ср. *Zungenspitze* и *Spitze der Zunge* «кончик языка», *Hahnenschrei* «петушиный крик», «крик петуха» и *Schrei eines Hahn(e)s* «крик петуха». Функции (омонимичного флексиям слабого склонения) суффикса множественного числа [ср. (*der*) *Mensch* «человек» — (*des*) *Menschen* — Pl. (*die*) *Menschen*] соединительному элементу *-(e)n-* также не свойственны, так как никакого последовательного выражения значения множественности мы у него не находим. Ср. *Ohrenlehnstuhl*, но *Ohrsessel* «(дедовское) кресло с защитными выступами для головы (по обе стороны спинки)»; ср. также следующие случаи, где основа — при абсолютно одинаковых условиях — используется то с соединительным элементом, то без него: *Ohrenklappe* «наушник (у шапки)», *Ohrendraht*, *Ohrspange* (разновидности серег), но *Ohrring* «серьга», а также *Ohrgehänge*, *Ohrgehörk* «ушные подвески».

Все эти факты вынуждают нас признать элементы *-(e)s-*, *-(e)n-* лишь соединительными элементами даже в тех случаях, когда наряду с детер-

¹ См. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 33. Ср. *Türflügel* «створка двери» и *Flügeltür* «двустворчатая дверь» — разные немецкие слова с разными сложными основами.

² Ср. W. Wilmanns, Deutsche Grammatik, 2-e Abt. — Wortbildung, Straßburg, 1896, стр. 5.

³ См. W. Henzen, Deutsche Wortbildung, Halle/Saale, 1947, стр. 57.

минативным (определятельным) сложным словом функционирует словосочетание с определением в родительном падеже, омонимичным первому компоненту сложного слова. Основы множественного числа с суффиксом *-er-*, выступающие в качестве компонентов определятельных сложных слов типа *Bücherhandel*, также никак нельзя считать грамматическими формами соответствующих слов. Основа *bücher-* (и подобные ей основы) в составе сложных слов не выполняет никаких грамматических функций, аналогичных функциям падежных форм (ср. *die Bücher, der Bücher* и т. д.). Кроме того, *-er-* в сложных словах весьма непоследовательно употребляется для выражения множественности (ср. *Buchhandel, Buchhandlung* и *Bücherhandel*). Поэтому и там, где употребление *-er-* является более последовательным (ср.: 1) *Volksdemokratie* «народная демократия», *Volksbildung* «народное образование» и 2) *Völkerrecht* «международное право» (буквально «право народов»), *Völkerfreundschaft* «дружба между народами»], отождествлять основу *völker-* с формами (именительного, родительного или винительного падежа множественного числа) слова *Volk (Völker)* все же — по указанным выше причинам — не представляется возможным.

Взаимоотношение между соответствующими, совпадающими по звучанию языковыми элементами здесь в какой-то мере аналогично взаимоотношению между русскими наречиями с суффиксом *-ом*, такими, как *рядом, шагом, утром*, и формами творительного падежа соответствующих слов, от которых эти наречия произошли¹; ср. аналогичные случаи в немецком языке: наречия *morgens, abends*² и формы родительного падежа существительных (*des Morgens, (des) Abends*).

Первый компонент сложного слова (именно как основа) не имеет тех соотносительных — образующих определенную систему — падежных форм, которые характерны для существительного как слова, чем и объясняется совершенно другая специфика, не позволяющая приравнять этот компонент к соответствующему слову.

Из того, что первый компонент определятельного сложного слова — это не слово, но часть его (о с н о в а), вытекает, как отмечает А. И. Смирницкий, что и второй компонент представляет собой также только основу, а не отдельное слово³; ведь сложное слово также имеет определенную, выступающую во всех его формах (сложную) основу, как и другие слова языка.

Оба компонента сложной основы представляют собой структурное и семантическое единство, из чего следует, что оформление второго компонента является оформлением слова в целом⁴. В том, что это оформление совпадает с оформлением соответствующего отдельного слова, нет ничего удивительного: мы ведь имеем здесь дело с основой, которая соотносится с соответствующим словом, а не с тем или иным аффиксом (не выступающим в качестве семантического ядра какого-либо слова; см. ниже).

Если мы признаем сложное слово, например *Wohnhaus* «жилой дом», состоящим из о с н о в ы *wohn-* и с л о в а (существительного) (*das*) *Haus* только потому, что второй компонент этого сложного слова внешне сов-

¹ См. В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, сб. «Вопросы теории и истории языка...», стр. 114.

² Что *-s* в этих наречиях функционирует в языке как характерный для данной части речи суффикс, показывает и появление этого суффикса в словах, ранее его не имевших. Ср. *diesseits, jenseits* (см. Н. Рауль, Deutsche Grammatik, Bd. V, Halle/Saale, 1920, стр. 130).

³ См. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове..., стр. 192—195.

⁴ См. О. С. Ахманова, К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, стр. 61—62.

падает со словом (*das*) *Haus* [ср. (*das*) *Wohnhaus* — (*des*) *Wohnhauses* — (*dem*) *Wohnhaus(e)*] и т. д. и (*das*) *Haus* — (*des*) *Hauses* — (*dem*) *Haus(e)*] и т. п.), то мы должны будем считать определительные сложные слова *Wohnhaus*, *Sonntag*, *Ohrring* (а также *Friedensbewegung*, *Ohrenlehnstuhl* и т. п.) не словами со сложными основами, но особыми сочетаниями, состоящими из лишенной грамматического оформления (характерного для слова) основы и грамматически оформленного как отдельная единица языка слова. Подобных сочетаний (которые были бы единицами языка) в языке не существует¹.

Несколько замечаний о существительных со сложными основами, омонимичными словосочетаниям, включающим разные части речи (а не только существительные), например: *Rührmichnichtan* «не трогай меня». Об этих сложных словах также следует сказать, что компоненты их основ являются отнюдь не с л о в а м и, н о с н о в а м и, так как целью оформленное сложное слово (даже если оно возникло на базе определенного словосочетания) нельзя приравнять к этому (раздельно оформленному) сочетанию. В формах сложного слова и в формах словосочетания² ясно проявляются различия между этими образованиями.

Соответствующее словосочетание не может иметь таких форм, как, например, (*eines*) *Rührmichnichtan* (генитив), а сложное слово *Rührmichnichtan* не может выступать в таких разновидностях, как *Rührt-uns-nicht-an* «не трогайте нас», или *Rühren-Sie-ihn-nicht-an* «не трогайте (Вы) его». Это же относится и к определительным компонентам сложных слов типа *Armeleutehaus*³.

4

В отличие от словообразовательного форманта, выступающего лишь в качестве модификатора значения тех основ, с которыми он сочетается⁴, основа является семантическим ядром слова. Именно через свою основу слово соотносится с соответствующим предметом или явлением действительности. Однако, как уже говорилось, значение основы и значение слова не совпадают, так как в значении слова входят и грамматические моменты⁵. У существительных, например, это значение рода, числа и падежа, на которых базируется характерное для данной части речи значение предметности.

¹ Сочетания типа *Arbeiter- und Bauernfamilien*, или *Wirtschafts- und Staatsleben* (или *helf- und ratlos*; см. ниже) не являются (в противоположность сложным словам) подлинными единицами языка, но представляют собой сокращения (аббревиатуры) словосочетаний, состоящих из таких сложных слов, как: 1) *Arbeiterfamilien*, *Bauernfamilien*, 2) *Wirtschaftsleben*, *Staatsleben* (а также *hilflos*, *ratlos*).

² Ср. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 11.

³ Что же касается таких случаев, как *Altweibersommer* или *Einkuhbauer*, насчет которых М. Д. Степанова (см. М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, стр. 140) говорит, что их «первой частью... является не сложное слово, а устойчивое или разложимое словосочетание» (разрядка моя. — К. Л.), то их первые компоненты по своему характеру отличаются от первого компонента слова *Armeleutehaus*, так как таких словосочетаний, как *alt Weiber* или *ein Kuh*, в современном литературном языке не существует.

⁴ См. Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 4, стр. 319—320.

⁵ См., в частности: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 48 и сл.; его же, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5, стр. 6 и 10; А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, стр. 15; его же, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 13—15.

Значение части речи выражается всей системой форм слова, а у слов неизменяемых оно связано с их неизменяемостью, выступающей как признак определенной оформленности. Что же касается основ, то значение части речи связано с их семантикой, но никакого структурного оформления значение части речи у непроемных основ не находит. Так, основа слова *Haus* «дом» — это по своей семантической природе, безусловно, основа существительного, как основа слова *laufen* «бежать», «течь» — основа глагола и т. д. Однако выражаются значения этих различных частей речи лишь формами соответствующих слов, но не их основами [ср. (*das*) *Haus* — (*des*) *Hauses* — (*die*) *Häuser* и т. п. — существительное, но *hausen* — *hauste* — *gehaust* «проживать», «обитать», «гнездиться», «ютиться» — глагол; и наоборот: *laufen* — *lief* — *gelaufen* «бежать», «течь» — глагол, но (*der*) *Lauf* — (*des*) *Lauf(e)s* — *dem* *Lauf(e)* — (*den*) *Lauf* «бег», «течение» — существительное].

У производных (в основном суффиксальных) основ распределение по частям речи является более четким. Однако вполне определенно принадлежность к той или иной части речи выражается лишь формами соответствующего слова. Так, например, основа *wirtschaft* — по своей структуре является основой существительного, но использоваться она может и как основа (отыменного) глагола; ср. (*die*) *Wirtschaft* — (*der*) *Wirtschaft* и т. д. «хозяйство» и *wirtschaften* — *wirtschaftete* — *gewirtschaftet* «заниматься хозяйством», «хозяйничать», «хозяйствовать». Степень связанности основы (особенно основы непроемной) с определенной частью речи будет поэтому тем меньше, чем большее распространение в языке имеет такое явление, как конверсия¹. Таким образом, хотя основа и является семантическим ядром слова, она — ввиду отсутствия у нее грамматической оформленности, выступающей в слове, — лишена той семантической определенности и законченности, которые характерны для слова.

Такие компоненты производных основ, как словообразующие (точнее основообразующие) аффиксы, имеют совсем иную специфику, чем производящие основы, с которыми они сочетаются. Они используются лишь в качестве формантов, видоизменяющих значение тех или иных производящих основ. В аффиксальных основах значение производящей основы иногда полностью сохраняется и лишь сочетается со значением соответствующего аффикса; ср. *echt* «подлинный», «настоящий» и *unecht* «иснастоящий», «фальшивый»; *Tisch* «стол» и *Tischchen* «столик». Такое четкое семантическое разграничение компонентов производных основ, однако, типично больше для префиксальных (а не для суффиксальных) образований², но и здесь оно выступает далеко не всегда.

Производные аффиксальные (особенно суффиксальные) основы чаще обнаруживают более тесное слияние значений производящей основы и аффикса. Это особенно характерно для тех случаев, когда создается основа слова, принадлежащего к другой части речи (в отличие от слова, основа которого послужила в данном случае производящей основой); ср. *Schreiber* «пишущий», «писец», «писарь», «переписчик» (от основы глагола *schreiben*), *Erzähler* «рассказчик», *Erzählung* «рассказ», «повесть» (от основы префиксального глагола *erzählen*), *Lauferei*, *Gelaufe* «беготня» (от основы глагола *laufen*).

¹ В английском языке, например, вследствие необычайно широкого распространения в нем конверсии, распределение основ по частям речи носит еще более относительный характер, чем в немецком.

² См. К. А. Левковская, О специфике префиксации в системе словообразования, сб. «Вопросы грамматического строя».

Однако во всех случаях аффиксы остаются лишь модификаторами значения соответствующих основ и, как правило, сами не выступают в функции основ. Это ясно видно, в частности, на примере аффиксов, развившихся из основ. Так, например, префикс *be-* больше не соотносится с основой наречия *bei* «у», «при», к которой он восходит по происхождению (ср. *beilegen* «прикладывать», «приложить», *dabei, hierbei* «при этом», ср. также развившийся из наречия *bei* предлог *bei*). Суффикс *-bar-* утратил семантическую связь с этимологически родственными ему словами *gebären* «рождать», *entbehren* «быть лишенным (чего-либо)», «нуждаться (в чем-либо)», *Bahre* «носилки», «катафалк», *Bürde* «ноша», *Gebärde* «жест». Другой особенностью аффиксов является то, что эти компоненты основы слова всегда занимают в нем строго определенное место. В немецком языке, в частности, нет таких аффиксов, которые одновременно использовались бы и как суффиксы, и как префиксы.

Основа отличается от аффикса тем, что она может выступать не только в качестве семантического ядра того или иного слова, но и в качестве модификатора значения другой основы¹, а также и тем, что она может быть как первым, так и вторым компонентом сложной основы. Так, например, основа *-haus-* выступает в слове (*das*) *Haus* «дом» как семантическое ядро слова в целом, а в производном слове *häuslich* «домашний» (например, *häusliches Leben* «домашняя жизнь») как семантическое ядро производной основы *häuslich-*, являющейся в свою очередь семантическим ядром соответствующего (производного) прилагательного.

Эта же основа (*-haus-*) может использоваться и как полнозначный — определяемый или определяющий — компонент сложной основы; ср. *Steinhaus* «каменный дом», *Holzhaus* «деревянный дом», *Hausarbeit* «домашняя работа», «работа на дому», *Hausgerät* «домашняя утварь» и т. п.

Несколько иное положение мы имеем, например, в словах *Kulturhaus* «дом культуры», *Pionierhaus* «дом пионеров», *Krankenhaus* «больница», *Hühnerhaus* «курытник» (ср. *Hühnerstall*)². Здесь нельзя говорить о равной полнозначности обоих компонентов сложной основы. Семантическим ядром здесь является первый компонент, а основа *-haus-* выступает уже в известной мере в качестве модификатора значения первого компонента (указывая на то, что речь идет о каком-то помещении). В случаях *haushoch* (или *häuserhoch*) «вышиной с дом», «очень высокий» еще более очевидно, что основа *-haus-/häuser-* выполняет именно роль элемента, модифицирующего значение основы соответствующего прилагательного.

Степень обобщенности значения у основы, выступающей в подобной функции, может быть различной. Так, например, основа *-mann-* по обобщенности своего значения ближе к суффиксу, чем основа *-haus-*. Ее возможно в какой-то мере сопоставить по значению и функции с суффиксом *-er-* (ср. хотя бы такие параллельные образования, как *Handwerksmann* и *Handwerker* «ремесленник»). Тем не менее основа *-mann-* все же по всем признакам продолжает оставаться основой и не может считаться ни суффиксом, ни полусуффиксом (каким считает данную основу М. Д. Степанова)³, так как эта основа соотносится с соответствующим непроизводным словом и выступает в качестве семантического ядра этого слова и производных (от основы этого слова) основ. Используется данная основа

¹ Т. е. в функции, характерной для аффиксов. См. Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 319—320.

² Ср. М. Д. Степанова, указ. соч., стр. 78.

³ Подобно тому, как служебное слово не может считаться ни грамматическим формантом, ни грамматическим «полуформантом», а остается словом (хотя и служебным).

и как первый, и как второй компонент сложных основ. Все это характерно именно для основ, но никак не для аффиксов. Ср.: 1) *Mann* «мужчина», «человек», *junger Mann* «молодой человек (мужчина)», *sieben Mann* «семь человек (того или другого пола)»; 2) *männlich* «мужской», *Mannschaft* «команда» (определенный коллектив людей, не обязательно мужчин), *Mannesalter* «зрелый возраст» (буквально «возраст мужчины»), *manns-hoch* «вышиной с человека (в человеческий рост)»; 3) *Vordermann* «человек впереди (в колонне)», *Zeitungsman* «газетчик».

Аналогичное положение имеется в языке и в отношении прилагательного *voll* и основы этого прилагательного. Ср.: 1) *ein Eimer voll Wasser* «ведро, полное воды»; 2) *völlig* «полный», «совершенный», *Vollbad* «общая (полная) ванна», *Vollgas* «полный газ (ход)», *Vollmond* «полная луна»; 3) *talentvoll* «талантливый», *einsichtsvoll* «разумный».

На совокупность прочих признаков, характеризующих эти языковые элементы (-*mann-* в *Arbeitsmann* или -*voll-* в *talentvoll* и т. п.) именно как основы, а не как суффиксы или «полусуффиксы», уже было указано в моей рецензии на книгу М. Д. Степановой «Словообразование современного немецкого языка»¹.

Все эти признаки свойственны основам, выступающим в функции аффиксов, в различной мере, причем они имеют в разных случаях разную значимость. Так, для сложных слов с основами в функции суффиксов наличие соединительных элементов является лишь второстепенным критерием принадлежности именно к сложным, а не к производным словам. Этот критерий имеет значение при наличии и других признаков сложного слова². Там же, где в функции модификатора значения другой основы выступает не второй, но первый компонент, использование соединительных элементов является верным признаком принадлежности соответствующих образований к сложным словам, так как префиксы [*be-*, *ge-*, *ent-*, *emp-*, *er-*, *ver-*, *zer-*, *miß-*, *un-*, *anti-*, а также *ur-* (см. ниже)] в немецком языке с соединительными элементами никогда не сочетаются.

Таким образом, уже одно наличие соединительных элементов характеризует первые компоненты как основы [например, *ries-en-* в *Riesenstadt* «гигантский (огромный) город», *Riesengebäude* «гигантское (огромное) здание» или *mord-s-* в *Mordsskandal* «ужасный (буквально «убийственный») скандал», не говоря уже о семантике этих компонентов, усилительная функция которых опирается именно на их лексическое значение³.

При исследовании основ, рассматриваемых некоторыми лингвистами как «полуаффиксы», нельзя исходить из одного лишь факта использования основы в функции словообразовательного форманта и из абстрактности значения данной основы. Ведь в языке есть даже слова, — а не только основы — с весьма абстрактным значением; ср. *dieser*, *jener*, *das*, *etwas* *Sache*, *Ding*⁴ и многие другие. О с н о в а -*zeug-* в составе сложных слов *Nähzeug* «швейные принадлежности», или *Schreibzeug* «письменные при-

¹ См. ВЯ, 1955, № 1, стр. 148.

² Для ряда словообразовательных типов производных суффиксальных слов, по происхождению восходящих к сложным словам, также не исключена возможность использования соединительных элементов; ср. *Heldentat* «героический поступок» (сложное слово), с одной стороны, и *heldenhaft* «героический, геройский», *Heldentum* «героизм» (производные слова), с другой. Однако х а р а к т е р н ы м и соединительными элементами являются именно для сложных слов.

³ Ср. ВЯ, 1955, № 1, стр. 147—148.

⁴ Ср. также, например, значение слова *Haus* в таких оборотах обиходной речи, как *altes Haus* (= *alter Freund*), *fideles Haus* (= *lustiger Mensch*), *gelehrtes Haus* (= *kluge, vielwissende Person*), *patentes Haus* (= *umgänglicher, brauchbarer Mensch*) (см. Н. К ü p f e r, Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, Hamburg, 1955, стр. 151).

надлежасти», или *Werkzeug* «инструмент», или *Spielzeug* «игрушки» не более абстрактна по своему значению, чем слово *Zeug* в оборотах *tolles Zeug* «взор», «чепуха», или *dummes, albernes Zeug* «ерунда», «глупость», «глупости».

Другое дело, если связь между компонентом основы слова, выполняющим функцию аффикса, и соответствующим (непроизводным) словом полностью порвана. Но тогда следует говорить уже не о «полуаффиксе», а просто об аффиксе¹, причем это надо доказать языковым материалом.

М. Д. Степанова считает, например, что выступающая в функции суффикса основа *-los* семантически не соотносится с прилагательным *los*. Конечно, она не соотносится с *los* в таких случаях, как *eine lose Verbindung* «свободное (непрочное) соединение» (или «сочетание»). Однако эта основа соотносится с предикативным *los* в сочетаниях *los werden (loswerden)* или *los sein (lossein)* «освободиться, избавиться от чего-либо», «лишиться чего-либо», а также и с первым компонентом существительного (*das*) *Loswerden*. Ср. также: *Also diese Arbeit war er nun auch los... alle Arbeit war er los* «Итак, теперь он лишился и этой работы... он лишился всякой работы»² и прилагательное *arbeitslos* «безработный». Дополнительным критерием принадлежности прилагательных с *-los*-к сложным словам служит следующее употребление (употребление в словосочетаниях-аббревиатурах): *...er... fühlt sich hilf-und ratlos wie ein ausgescholtener Schulbub* «он... чувствует себя таким же беспомощным и растерянным, как школьник после нагоняя»³. Подобное сокращение (*hilf- und ratlos*) характерно именно для сложных слов (ср. выше) и лишь в отдельных редких случаях встречается у слов производных.

Из основ, выполняющих функцию аффиксов, очень близка к суффиксу основа *-werk-*. Если удастся (путем детального анализа всех случаев употребления) доказать, что связь данной основы со словом *Werk* разорвана так, что здесь исчезла в с я к а я соотношенность, то тогда придется считать *-werk-* суффиксом (но никак не «полусуффиксом»).

Многие факты языка, однако, показывают, что отвлеченное значение собирательности базируется здесь именно на лексическом значении данной основы⁴. Ведь оттенки значения основы *-werk-* в таких случаях, как *Stahlwerk, Uhrwerk, Orgelwerk, Netzwerk, Buschwerk, Backwerk*, представляют собой непрерывную цепь, которую трудно оборвать в каком-то определенном месте. Во всяком случае, относительно *-werk-* в подобных образованиях можно вести научный спор, доказывая, что это основа, а не суффикс (или же, наоборот, что это суффикс, а не основа); вопрос же о том, основа это или «полусуффикс», не может быть предметом такого спора, так как «полусуффикс» (согласно определению, даваемому этому понятию)⁵ и есть о с н о в а, выступающая в функции суффикса. Как

¹ Ср. В. Ш. Григорьев, Некоторые вопросы теории словосложения. Автореф. канд. диссерт., М., 1955, стр. 11.

² Н. Fallada, *Wer einmal aus dem Blechnapf frißt*, Berlin, 1955, стр. 255. Речь идет об условиях жизни в буржуазной Веймарской республике. Автор описывает отчаяние главного персонажа романа, вновь лишившегося работы.

³ W. Geddel, *Dein unbekannter Bruder*, Berlin, 1955, стр. 45.

⁴ Ср. толкование слова *Mundwerk*, даваемое Х. Кюппером: «*Mundwerk* n. Beredsamkeit, Redefertigkeit. «Werk» meint die Gesamtheit maschineller Vorgänge, etwa in Form der Maschine (Orgelwerk)» (H. Kupper, *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*, стр. 228). Выражение *er hat ein gutes Mundwerk* «у него язык хорошо подвешен», следовательно, буквально означает «у него хороший говорильный (ротовой) аппарат (механизм)».

⁵ См. М. Д. Степанова, По поводу рецензии К. А. Левковской (ВЯ, 1955, № 5, стр. 166—167).

совершенно справедливо отмечает В. П. Григорьев¹, каких-либо специфических признаков, отличающих «полуаффиксацию» от словосложения (и от аффиксации), М. Д. Степановой, Л. И. Поляковой² и другим сторонникам этого взгляда обнаружить не удалось.

Спорные вопросы имеются в разных областях: это, однако, не означает, что неясные случаи, имеющие общие черты с различными по характеру явлениями, следует трактовать как нечто половинчатое. Таким (не совсем ясным) случаем в немецком языке является, например, префикс *ur-*, занимающий в системе словообразования несколько особое по сравнению с другими префиксами положение. Исползуемый в качестве модификатора значения основ существительных и прилагательных (ср. *Urwelt* и *uralt*), *ur-*, как и остальные префиксы, не соотносится в современном немецком языке с основой какого-либо непроеизводного слова, так как наречие *ur* и ответвившийся от него предлог из языка исчезли. Однако префикс *ur-*, несомненно, идентифицируется с выступающим в функции связанной основы *ur-* в суффиксальных образованиях *Urheit*, *Urtum* «первобытность» (и *urtümlich* «первобытный»). Эти образования употребляются значительно реже различных других слов, где *ur-* выступает в функции аффикса, почему данный языковый элемент обычно рассматривается именно как префикс; но наличие таких образований в языке дает возможность рассматривать *ur-* во всех случаях и как неполнозначную (связанную) основу.

Эти факты свидетельствуют о том, что проблема структуры лексических единиц требует дальнейшей тщательной разработки, но никак не о том, что языковый элемент *ur-* следует признать, например, «полуосновой» или «полупрефиксом».

Как показывает приведенный выше материал³, термин «полуаффикс», не отражающий специфики соответствующих языковых элементов, следует решительно отвергнуть. Основы же, выступающие в функции модификаторов значения других основ (такие, как, например, *-mann-* или *-los-* и т. п.), следует рассматривать как не пол н о з н а ч н ы е или с л у ж е б н ы е основы. То, что из подобного рода основ в немецком языке развился целый ряд аффиксов, — вопрос другой. Происхождение языковых элементов (или же тенденция их развития) и место этих элементов, их функционирование в языке в определенную эпоху существования языка — понятия совершенно разные⁴.

5

В германских языках, в том числе и в немецком, имеются сочетания глаголов с полнозначными наречиями или же с наречными частицами, выступающие в качестве эквивалентов слов. Сочетания эти в германистике по традиции именуется «глаголами с отделяемыми приставками». Это (если принять во внимание, что префиксальные глаголы называются «глаголами с неотделяемыми приставками») приравнивает данные соче-

¹ См. В. П. Григорьев, указ. соч., стр. 11.

² См. Л. И. Полякова, Словообразование имен посредством «полусуффиксов» в современном немецком языке, «Уч. зап. [1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков]», т. VII — Грамматический строй языка, М., 1955.

³ Речь идет о проблеме неполнозначных основ в целом, а не об отдельных неясных случаях.

⁴ Ср., в частности: В. В. Виноградов, О формах слова, стр. 38 и сл.; Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 315—316; А. И. Смирницкий, По поводу конверсии в английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1954, № 3, стр. 16; е го ж е, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 5—8.

тания слов к префиксальным образованиям, т. е. к словам¹ (см. выше). Критерии, на основании которых данные фразеологические единицы считаются словами, не являются достаточными, а некоторые из них полностью опровергаются языковыми фактами.

Многие приглагольные наречные элементы (наречные частицы) неполнозначны и по своим семантико-функциональным особенностям приближаются к аффиксам. Однако приведенные выше факты показывают, что о специфике единиц языка нельзя правильно судить, исходя лишь из одних семантико-функциональных моментов. В структурном же отношении наречные частицы резко отличаются и от префиксов, и от аффиксов вообще. Ср.: 1) *Er arbeitet den Plan aus* «Он разрабатывает план», *Sie wissen ja, daß er den Plan ausarbeitet* «Вы ведь знаете, что он разрабатывает план»; 2) *Er hat den Plan ausgearbeitet* «Он разработал план»; 3) *Er wird den Plan ausarbeiten* «Он разработает план», *Er beginnt den Plan auszuarbeiten* «Он начинает разрабатывать план», *der auszuarbeitende Plan* «подлежащий разработке план».

Аффиксы (префиксы и суффиксы) входят в состав цельноформленного слова, являются частью его основы и занимают в ней строго определенное положение (префиксы — начальное, суффиксы — конечное). Наречные же частицы составляют с разными глагольными формами *радельнооформленные* сочетания, находятся за пределами основы глагольного слова и, согласно с правилами порядка слов в немецком языке (распространяющимися также на фразеологические единицы), то предшествуют соответствующей глагольной форме, то следуют за ней, занимая по отношению к ней в ряде случаев даже дистантное положение.

Слитное написание наречной частицы и глагольной формы, которое имеет место в определенных случаях и которое приводится как одно из доказательств принадлежности глагольных единиц с наречными частицами к словам, а входящих в них наречных частиц — к словообразовательным формантам, таким доказательством служить не может, так как слитное написание (при контактом положении компонентов) применяется в немецком языке и по отношению к фразеологическим единицам других разновидностей; ср. *ausführen* [«вывозить», «выводить (гулять)», «исполнять»], *ausgeführt*, с одной стороны, и *kennenlernen* («познакомиться», «узнать»), *kennengelernt* или *stehenbleiben* («остановиться»), *stehengeblieben*, с другой.

Никто не может усомниться в том, что *kennen* или *stehen* в приведенных случаях — это именно слова в определенной грамматической форме (в инфинитиве), а не «префиксы» (или «полупрефиксы»). Такими же словами (только неизменяемыми) являются и наречные приглагольные частицы, которые при контактом положении (обусловленном для ряда случаев правилами порядка слов в немецком языке) лишь пишутся слитно с глагольными формами, но находятся за пределами оформленного как отдельное слово глагольного компонента соответствующей фразеологической единицы. Особенно ясно это видно в случаях с причастием II или в случаях с инфинитивом (либо причастием I) с частицей *zu* (ср. *ausgeführt*, *ausgearbeitet*; *auszuführen*, *auszuarbeiten*, *der auszuarbeitende Plan* и т. п.).

По особенностям ударения глагольные единицы с наречными частицами сближаются не с префиксальными глаголами (в которых префикс является безударным), а с глагольными фразеологическими единицами, состоящими

¹ Трактовка этих глагольных единиц как «глаголов с полупрефиксами» (см. М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, стр. 317 и др.) не вносит никаких принципиальных изменений в эту традиционную — основанную на семантико-функциональном подходе к единицам языка — концепцию.

из полнозначных слов. Ср. *'ausführen* (см. выше), или *'aufgehen*₁ «восходить (о солнце)», *'aufgehen*₂ «открываться (о двери)» и т. п., с одной стороны, и *'Rücksicht nehmen* «обращать внимание», *in 'Angriff nehmen* «браться за что-либо», с другой¹.

6

Приведенное рассмотрение показывает, что точное представление об особенностях разных (самостоятельных и несамостоятельных, простых и сложных) элементов языка может дать лишь их всесторонний с т р у к т у р н о - с е м а н т и ч е с к и й анализ, но никак не односторонний с т р у к т у р н о - ф у н к ц и о н а л ь н ы й или односторонний с е м а н т и к о - ф у н к ц и о н а л ь н ы й подход к этим элементам.

В. Хенден в цитированной выше статье, посвященной в значительной части полемике с представителями структурализма, но содержащей также и критические замечания по поводу переоценки некоторыми учеными семантико-функциональных моментов, поставил следующий вопрос: что же составляет специфику слова, содержание или форма? (*was das Wort ausmache, ob ein Inhalt oder eine Form*)?²

На этот вопрос приходится ответить, что специфику слова, как и специфику других элементов языка, составляет их материальное оформление, их языковая структура, связанная с определенным значением (которое никак нельзя отождествлять с передаваемыми этими элементами понятиями). Ни отражение понятия, взятое в отрыве от соответствующего языкового оформления, ни языковое оформление, рассматриваемое вне связи с выражаемым им значением, специфики единиц языка не составляют, так как структурные различия связаны в языке с внутренними (семантическими) различиями, и даже весьма сходные понятия, если они выражаются различным образом, могут отражаться в системе языка в виде совершенно различных значений.

¹ Подробнее о немецких глагольных фразеологических единицах см.: К. А. Л е в - ж о в с к а я, Лексикология немецкого языка, М., 1956, стр. 214—223; Р. С. Б р ы - к о в с к и й, Глагольные единицы типа *aufgehen* и типа *hinaufgehen* в современном немецком языке. Канд. диссерт., М., 1955.

² См. W. H e n z e n, *Wortbedeutung und Wortnatur*, стр. 179.